

В СПбГУ узнают, что представляет собой ислам сегодня

Автор: Екатерина КОВАЛЕВА • Фото: Михаил ВОЛКОВ

В СПбГУ трудится уникальная команда востоковедов и имеются все условия для научной работы. Именно это побудило выпускника Университета, а ныне ученого с мировым именем, профессора Мичиганского университета Александра Дмитриевича Кныша вернуться в свою alma mater и возглавить здесь в рамках гранта новую лабораторию.

Российское востоковедение зародилось в Петербурге с основанием в городе в 1818 году Азиатского музея, и именно здесь в 1855 году, по указу императора Николая I, был образован первый в стране факультет восточных языков. Сейчас в СПбГУ преподают около 100 языков и диалектов Азии и Африки, а сам Университет является одним из ведущих мировых центров изучения истории, культуры и религии современного и древнего Востока.

Список университетских востоковедов пополнился еще одним громким именем. Александр Дмитриевич Кныш, профессор Университета Мичигана в США, стал одним из победителей открытого конкурса СПбГУ на создание научных лабораторий под руководством ведущих ученых. Теперь востоковеды, политологи и специалисты в сфере международных

отношений будут в течение двух лет изучать феномен политического ислама и исламские движения в современном мире в специально созданной для этого лаборатории анализа и моделирования социальных процессов. Возглавит ее Александр Дмитриевич. О целях и особенностях проекта ученый рассказал корреспонденту журнала.

— Александр Дмитриевич, какие задачи стоят перед лабораторией?

— Мы будем исследовать исламские движения в современном мире. К сожалению, для России эта проблема как никогда актуальна, многие мусульмане в этой стране чувствуют себя очень некомфортно, некоторые этнические группы стремятся выйти из состава государства, участвуют в вооруженном движении.

Собственно, нас не столько интересуют события на Кавказе и в Поволжье, связанные с подъемом движений от имени и во имя ислама, сколько мы стремимся понять, что представляет собой ислам сегодня и почему он настолько по-разному воспринимается различными социальными и этническими группами. Крайне важно понять, как различные группы используют его в качестве идеологии — это могут быть добровольческие, благотворительные или военные

Александр Дмитриевич КНЫШ считает СПбГУ идеальной базой для проведения исследований

организации, а также общины единомышленников, коллективно стремящихся исполнить божественную волю, как они ее понимают.

Еще меня как американского преподавателя заботит то, что российская молодежь плохо владеет английским языком. Это препятствует активному общению молодых людей со своими сверстниками и учеными за пределами России. Поэтому мои семинары со студентами и аспирантами будут проходить исключительно на английском, для того чтобы они могли подготовиться к участию в конференциях и не лезли за словарем в карман, когда придется выступать на международных семинарах.

Таким образом, одна из задач проекта — подготовить и студентов, и преподавателей к участию в международных форумах, язык которых английский. По сути, английский — это современная латынь.

— Почему площадкой для исследований стал именно Петербургский университет?
— СПбГУ является идеальной базой, потому что здесь пред-

“ Мы хотим узнать больше об идеологических основах исламских движений. Многие из них являются либеральными, а не радикальными.

ставлены специалисты практически по всем областям мусульманского мира. К тому же мы с коллегами считаем, что необходимо выяснить, как ислам развивался на протяжении многих веков, начиная с его зарождения в Аравии в середине VII века новой эры. Мы хотим проследить разветвление ислама во времени и пространстве в различных регионах. Специалисты по истории и культуре этих регионов работают в Петербургском университете. Например, у нас есть африканисты, которые занимаются исламом в Африке, где он сейчас переживает подъем.

Также найдется работа для ученых, которые занимаются иранистикой, Анатолией (в древности название Малой Азии), турецким исламом. В политике и идеологии Турции

в последние десять лет ислам играет ключевую роль: он является одним из социобразующих элементов в этой стране и сейчас взят на вооружение правящей партией.

— В течение какого срока будет реализован проект лаборатории?

— Мы будем заниматься исследованиями два года, и уже через 18 месяцев планируем представить предварительные результаты — они будут заключаться в первую очередь в публикациях статей в научных журналах, а также в проведении научных конференций. Но и для студентов это тоже будет полезно. Мы хотим, чтобы наши исследования не остались на страницах журналов, а перешли в аудитории. Исследования, которые мы будем проводить, непосредственно найдут отражение в учебных программах. Может быть, это звучит достаточно банально, но я считаю, что будущее России в ее молодежи, поэтому молодые люди должны быть конкурентоспособными. Я заметил, что у студентов в Казахстане, где я также преподавал,

нет понимания того, насколько конкурентная обстановка сейчас в мире. Если Россия не успеет подготовить квалифицированную молодежь, то ей придется трудно в ближайшие десятилетия.

— В своем исследовании вы будете обращаться ко всему комплексу дискурсов по судьбам ислама и мусульман, а именно к блогам, чатам и литературе, которая размещена в Интернете и опубликована в традиционном виде. Почему именно эти источники?

— Мы хотим узнать больше об идеологических основах исламских движений. Многие из них являются либеральными, а не радикальными. Их представители хотят сохранить свою исламскую идентичность, присутствие ислама в общественной сфере, но не ставят задачу свержения государственных структур. Мы должны изучить их литературу, сопоставить с литературой более радикально настроенных групп и, может быть, понять, почему радикалы занимают именно такую позицию. Я имею в виду прежде всего блоги и чаты, где обсуждаются судьбы ислама и мусульман сегодня и на ближайшую перспективу. Это не значит, что мы будем черпать у них какие-то идеи: для нас это объект исследования. Не ознакомившись с этими источниками, взглядами лидеров движений, мы не сможем понять, чем отличается друг от друга различные мусульманские движения.

Блоги очень важны, потому что простые члены общин обмениваются в них мнениями, предлагают свое понимание задач, стоящих перед мусульманами сегодня. Изучение этого материала позволит сопоставить взгляды рядовых участников движения со взглядами их лидеров, проследить, как идеально сформулированные концепции трансформируются в сознании обычных мусульман.

— Как вы будете анализировать полученные данные? Примут ли участие в исследовании представители точных наук?

— С нами будут работать ученые, владеющие математи-

Александр Дмитриевич Кныш

родился 28 сентября 1957 года в городе Сасово Рязанской области. В 1979 году окончил с отличием восточный факультет ЛГУ по специальности «Арабская филология».

В 1980–1986 годах прошел аспирантуру при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, по окончании которой был принят в штат института. При создании межсекторальной группы исламоведения был зачислен в ее состав.

В 1986 году защитил кандидатскую диссертацию «Основные источники для изучения мировоззрения Ибн 'Араби: Фусус ал-хикам и ал-Футухат ал-маккийя» (научный руководитель — А. Б. Халидов). С 1986 по 1989 год принимал участие в Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ), возглавляемой П. А. Грязневичем.

Издal свыше 100 работ, посвященных различным аспектам истории ислама, на английском, русском, азербайджанском, немецком, итальянском, персидском и арабском языках.

Исследовательские интересы профессора Кныша включают мусульманский мистицизм, классическую арабскую литературу, историю мусульманской богословской мысли, ислам в Йемене и на Северном Кавказе.

С 1991 года Александр Дмитриевич работает в США. С 1997 года — профессор, а с 1998-го — декан факультета ближневосточных исследований Мичиганского университета (США). В настоящее время является ответственным редактором 3-го издания «Encyclopaedia of Islam», а также соредактором новой «Encyclopaedia of Islamic Mysticism» (обе энциклопедии выпускает Brill Academic Publishers).

ческими методами обработки информации, — математики СПбГУ. По-английски технология, которую они будут использовать, называется data mining; это извлечение данных из корпуса текстов с целью определения различных концептов, идей и контекста их бытования. Помимо частотности необходимо будет выявить стилистические особенности и выяснить, как авторы одних текстов заимствуют идеи и концепции у других, осознанно или неосознанно. Это называется «перекличкой текстов», или интертекстуальностью. Кроме того, в исследовании мы задействуем социологические и ресурсные центры Университета, специалисты которых способны работать с большими объемами информации.

— Как вы планируете совмещать преподавание в Мичиганском университете и в Петербургском?

— В Университете Мичигана я преподаю восемь месяцев в году, остальное время мне дается для исследовательской деятельности. В этот период я имею возможность заниматься тем, чем хочу. Отчасти это сентиментальная привязанность к моему родному факультету, но я решил свое свободное время посвятить работе в Петербургском университете. Поэтому в ближайшее время я буду, как говорят американцы, носить сразу две шляпы — буду профессором в Мичигане и руководителем лаборатории анализа социальных процессов в СПбГУ.

— А чем, по вашим наблюдениям, американские студенты отличаются от российских?

— В России и Европе студенческая аудитория менее разнообразна, чем в США. Так что американские студенты значительную часть времени посвящают борьбе за свои права и пропаганде ценностей этнической, религиозной или иной группы, к которой они принадлежат. Например, на территории моего и других

американских университетов есть мусульманские ассоциации, которые ежегодно проводят «Неделю ислама». То же самое делают буддисты и индуисты, предлагающие студентам и преподавателям соприкоснуться с их религиями. Активны и студенты различных христианских деноминаций. Я полагаю, что в российских вузах это явление не столь ярко выражено, поскольку студенческое сообщество менее разнообразно в расовом и религиозном плане. Возможно, поэтому российские студенты не столь остро чувствуют необходимость утвердить свою особую идентичность. Но я могу и ошибаться, ведь я здесь всего одну неделю и пока только начинаю понимать российских студентов.

— До переезда за границу вы почти десять лет работали в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. А когда вас впервые заинтересовал ислам и вообще Восток?

— Это произошло еще в школе. Я получал образование в Краснодаре и, когда оценивал возможность для поступления в вузы, обнаружил, что существуют факультеты восточных языков в Москве и Ленинграде. В Ленинграде у моих родителей были знакомые, и я в сопровождении

вымириание. Я закончил ЛГУ по специальности «Литературоведение», изучал творчество Нагиба Махфуза, который был первым арабским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе. Тогда он еще не был настолько известен, но я посвятил ему свою работу, которую сейчас бы назвали магистерской. После этого я три с лишним года работал по распределению в таможене аэропорта Пулково — ловил контрабандистов. А в 1979 году мне позвонил мой бывший преподаватель из Института востоковедения — я как раз был на смене в таможене. Он сказал, что возникла идея создать группу исламоведения при институте (сейчас он называется Институт восточных рукописей). Для меня такое предложение было неожиданным, я несколько не считал себя исламоведом. Тем не менее я согласился прийти на встречу. Мои коллеги, однокурсники по ЛГУ, получили задание изучать основные источники мусульманской веры — Коран и Сунну. Мне достался суфизм или, иначе говоря, мусульманский мистицизм. Впоследствии именно он и стал основной темой моих научных исследований, пока я находился в Ленинграде и работал в составе этой научной группы. Под руководством С. М. Прозорова мы трудились вплоть до 1991 года и издали доста-

ством, то наилучшая параллель — монашество. Суфии жили в своего рода монастырях, где уединялись от мира, так же как христианские монахи. Были и отличия: в Европе монашество находилось под контролем Ватикана, в то время как мусульманский аскетизм и мистицизм не имели такой централизованной структуры. Группы возникали спонтанно и никем не контролировались, но были тесно связаны с местным обществом. Кто-то — обычно правитель — давал им деньги и земли для обеспечения жизни общины: это были благотворительные пожертвования. Считалось, что «монахи от ислама» молятся за общину: большинству людей было некогда заниматься отношениями с богом, и они перелагали это дело на подвижников-суфиев.

— Ислам появился на территориях, ныне входящих в состав России, довольно давно, в VII веке, и с тех пор мусульмане очень тесно общались с христианами во всех сферах жизни. А что эта религия значит для российского общества сегодня?

— Сейчас я не живу в России, и мне трудно судить. Но официальная точка зрения правитель-

православная церковь доминирует в области духовной и культурной жизни, но признает право ислама на существование и даже активно сотрудничает с мусульманскими общинами.

— Будем надеяться, что новая лаборатория внесет свой вклад в мировое исламоведение. Кстати, были ли попытки реализовать подобные проекты в других странах?

— Такого обширного проекта не было, поскольку американские университеты, при всех их сильных сторонах, как правило, имеют достаточно ограниченное количество специалистов в этой области. То есть таких больших факультетов, как восточный факультет СПбГУ, в США просто нет. В самом большом американском университете будет максимум 25–30 ученых-востоковедов.

Но попытки реализации крупных проектов имели место. В 80–90-х годах Университет Чикаго, один из ведущих американских частных университетов, пытался создать программу по изучению религиозного фундаментализма. Это дало кое-какие результаты, но основная проблема была в том, что, хотя инициативная группа проекта находилась в Чикаго, приходилось

отца приехал сюда. Несколько неожиданно для себя поступил в Университет с первого раза, и у меня была возможность выбрать между языком и культурой хинди и арабским языком. Про арабский язык я кое-что знал, меня это интересовало, и я выбрал его. На протяжении пяти лет обучения мы практически не касались ислама, тогда это была более-менее запретная тема. Идеология ислама считалась реакционной, а сама религия — пережитком прошлого, который не нужно изучать, так как он все равно обречен на

точно много работ по исламу — хрестоматию, энциклопедический справочник, историографические очерки, а также сборник переводов основных исламских текстов.

— Возможно, кто-то из наших читателей еще не знаком с понятием «суфизм». Не могли бы вы подробнее рассказать, что он собой представляет?

— Это мистическое и аскетическое направление в исламе. Если сравнивать с христиан-

ства заключается в том, что ислам — одна из традиционных религий, такая же, как христианство, иудаизм, буддизм. Государство допускает и даже поощряет деятельность мусульман, хотя формально религиозные организации от государства отделены и, по идее, не должны получать его поддержки. Тем не менее правительство поддерживает некоторые направления в исламе, которые считаются наиболее склонными к сотрудничеству с государственными структурами и российским обществом в целом. Российское же общество строится на христианстве, и поэтому

обращаться к специалистам, разбросанным по всему миру. Это очень затрудняло работу проекта, и он, как говорят, «родил мышь» — достаточно неоднородные публикации с большими лакунами и отсутствием единообразного подхода. Связано это с тем, что участники находились в разных частях света и не могли работать как одна команда. Мы же будем трудиться на одной площадке и надеемся избежать этой проблемы. Насколько у нас это получится, пока что рано говорить: работа лаборатории стартовала в октябре, мы все еще в начале пути.

В СПБГУ ПРЕПОДАЮТ
ОКОЛО

100

ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ
АЗИИ И АФРИКИ.

ОКОЛО

300 000

КНИГ, РУКОПИСЕЙ И МАНУСКРИПТОВ ХРАНЯТСЯ
В ВОСТОЧНОМ ОТДЕЛЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. М. ГОРЬКОГО СПБГУ.

В 1856

ГОДУ

В УНИВЕРСИТЕТЕ АКАДЕМИК
БОРИС ДОРН ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НАЧАЛ
ПРЕПОДАВАНИЕ АФГАНСКОГО
ЯЗЫКА (ПАШТО).